

ОТНОШЕНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЗНАКОВ В ВЫСКАЗЫВАНИИ И ДИСКУРСЕ

О. А. Артемова, Се Цзисин

Минск, МГЛУ

ЛИЧНЫЙ ДЕЙКСИС В КИТАЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ: СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В статье представляются общие и различные семантико-прагматические характеристики личного дейксиса и формы проявления его национальной специфики в китайском и русском языках.

Проблемы национальной специфики речевого общения в последнее время привлекают внимание лингвистов, психологов, философов и антропологов, этнографов и специалистов по теории и методике обучения иностранному языку. Увеличение интенсивности межъязыковых и межкультурных контактов в конце прошлого столетия привело к необходимости комплексного осмысления проблем коммуникации людей, принадлежащих к различным культурам и говорящих на разных языках.

Одним из базовых компонентов любого коммуникативного поведения является дейксис – «указание как значение или функция языковой единицы для актуализации компонентов ситуации речи и денотативного содержания высказывания» [4, с. 128]. Универсальность и обязательное присутствие дейксиса в коммуникации относят его анализ к приоритетным задачам современных лингвистических исследований.

Среди трех основных типов указания – персонального (личного), пространственного и темпорального, особое значение придается именно личному дейксису как обязательной категории дискурса, которая связывает воедино языковые единицы с внеязыковой действительностью через указание на структуру его персональной организации, обеспечивая тем самым его семантическую и лингвопрагматическую целостность.

Несмотря на давние традиции исследования личного дейксиса и интенсивность его современных разработок за рубежом, в китайском языкознании изучение этой категории ведется в основном в рамках теории вежливости [14; 15; 16; 17; 18] и прагматической эмпатии [19], что обуславливает актуальность данного исследования.

Личный дейксис базируется на грамматической категории лица, которая обозначает отношение субъекта действия, процесса, качества или объекта к говорящему [6]. Традиционно указание на лицо соотносится с системой личных местоимений. Эта система отражает универсальную классификацию объектов действительности по их отношению к говорящему, выраженному 1-м лицом (говорящий). 2-е лицо указывает на того, к кому обращена речь говорящего (адресат / собеседник). 3-е лицо указывает на лицо или предмет,

которые не являются ни говорящим, ни адресатом, но присутствуют в речевой ситуации и воспринимают ее слухом или зрением или выступают предметом речи [1, с. 18].

Нерешенным остается вопрос об отнесении этих единиц к лексической или грамматической системе языка. Это обусловлено двойственностью их семантики – наличием собственного внеконтекстного, постоянного значения и ситуативного, дейктического значения. Одни исследователи считают, что личные местоимения – это грамматические элементы, полностью автономные грамматикализованные корни, которые не содержат никаких лексических сем [5, с. 265; 9, с. 255]. Их «функция заключается в представлении говорящего или слушающего как индивида, взятого в его единственности» [10, с. 32]. Другие исследователи относят личные местоимения к особому классу слов на границе лексики и грамматики [10; 11]. Согласно третьей точке зрения, которую разделяем и мы, местоимения – особый класс «указательных слов» [11; 13], находящихся «на пересечении кода и сообщения» [12, с. 98] и обладающих индексальной референцией, денотат которых постоянно меняется в зависимости от субъекта говорения, обстановки и ситуации речи. Благодаря данной особенности эти единицы получают способность быть в речи «субститутами» [3, с. 150], «индексами» [8, с. 59], «индикаторами» [15], «шифтерами» [12, с. 98].

Лексическое значение личных местоимений формируется грамматической категорией лица, обозначающей отношение субъекта действия, процесса, качества или объекта к говорящему. Отношения между 1-м, 2-м и 3-м лицами неоднородны и получают различную трактовку. Так, по мнению Э. Бенвениста, распределение личных местоимений по лицам коммуникативно обусловлено: 1-е и 2-е лица возникают только в «реальности речи» [2, с. 286]. 3-е лицо представляет собой неограниченное количество субъектов.

С точки зрения А. В. Кравченко, в основе разграничения 1-го, 2-го и 3-го лица лежит перцептивный фактор, определяющий степень интеграции объектов указания в пространственный предел субъекта речи: *ты* – ‘включенный в речевую ситуацию объект действительности, находящийся в слуховом поле восприятия говорящего’, *он / она / оно* – ‘включенный в речевую ситуацию объект действительности, находящийся в зрительном поле восприятия говорящего’ [7, с. 109], и *я* как центр личного пространства говорящего в противопоставление остальному миру. На наш взгляд, прагматический и перцептивный факторы взаимодополняют друг друга: границы аудиовизуального поля говорящего, безусловно, оказывают влияние на структурирование им речевой ситуации и употребление личных местоимений.

Сопоставительный анализ китайских и русских средств выражения личного дейксиса показал обусловленность способов актуализации данного типа указания морфологическим типом языка. Преимущественная флективность русского языка предопределяет выражение личного дейксиса, наряду с личными местоимениями (1-е лицо *я, мы*, 2-е лицо *ты, вы, Вы*, 3-е лицо *он, она, оно, они*), окончаниями личных форм глагола (1-е лицо: *я читаю*, 2-е лицо: *ты читаешь*, 3-е лицо: *он читает*). Изолирующий тип китайского

языка с отсутствием словоизменения, грамматической значимостью порядка слов и слабым противопоставлением знаменательных и служебных слов обуславливает выражение личного дейксиса преимущественно личными местоимениями: 1-е лицо (我 ‘я’, 我们 ‘мы без тебя’, 咱们 ‘мы с тобой’), 2-е лицо (你 ‘ты’, 您 ‘Вы’, 你们 ‘вы’), 3-е лицо (他 ‘он’, 她 ‘она’, 它 ‘оно’, 他们 ‘они м.р.’, 她们 ‘они ж.р.’, 它们 ‘они с.р.’).

Прагматически в китайском и русском языках личные местоимения – яркий этикетный знак для установления контакта и регулирования социальных взаимоотношений. Предлагаемое говорящим адресату распределение ролей и тип общения – 1-е лицо – сам говорящий, 2-е лицо – собеседник, 3-е лицо – лица, не участвующие в коммуникации – позволяет соотносить дискурс с реальным адресатом речи – адресативность, устанавливая соотношение между своей точкой зрения и чужой – интерсубъективность, включать собеседника в свое личное пространство (инклюзивность) или исключать его (эксклюзивность) и обязательно маркировать социальный статус адресата в зависимости от межличностных отношений и степени формальности коммуникации (你 ‘ты’ и 您 ‘Вы’).

Для китайского личного дейксиса характерно выражение категории инклюзивности семантикой местоимения мн. ч. 1-го лица 咱们 ‘мы (с тобой)’ и наличие специальных форм местоимений 3-го лица мн. ч., которые различаются по родам: 他们 ‘они м. р.’, 她们 ‘они ж. р.’ и 它们 ‘они с. р.’. Русскому личному дейксису свойственно выражение категории инклюзивности конструкцией с поглощенным референтом *мы с тобой* и экстраспекция – описание ситуации с позиций нескольких участников одновременно (*Вот он я*).

Национальная специфика систем личного дейксиса двух языков эксплицируется его лингвокультурной и социокультурной самобытностью. Лингвокультурная самобытность личного дейксиса в китайском языке манифестируется большей степенью проявления коллективного начала – семантической общности индивидуума и социума по сравнению с русским языком, о чем свидетельствует наличие специальной формы 1-го лица мн. ч. 咱们 ‘мы (с тобой)’. Социокультурная специфика личного дейксиса в китайском языке определяется:

а) прагматической эмпатией – значительной степенью близости собеседников и постановкой себя на место другого индивидуума (замена 我 ‘я’ на 我 ‘мы’);

б) соблюдением четких социальных и рангово-иерархических различий, выработанных в ходе тысячелетней истории и относящихся к традиционным ценностям китайской культуры, предписывающих говорящему возвеличивать роль и статус собеседника, приуменьшая свою роль и занижая свой статус. Об этом свидетельствует употребление местоимения 您 ‘Вы’ вместо «докторского мы» в русском языке в ситуации общения пациента и врача: 你感觉怎么样? ‘Как вы себя чувствуете?’.

Таким образом, установленные сходства в семантике и прагматике китайского и русского личного дейксиса предопределяются единством биологической и психической организации человека и универсальными механизмами познания действительности. Различия систем личного дейксиса в сопоставляемых языках обусловлены структурной разнотипностью сопоставляемых языков (флективный русский язык и изолирующий китайский язык), гетерогенными культурно-историческими условиями развития данных лингвосообществ и конвенциональными нормами вербального взаимодействия их представителей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – 341 с.
2. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М. : Прогресс, 1998. – 447 с.
3. Блумфилд, Л. Язык / Л. Блумфилд. – М. : Прогресс, 1968. – 607 с.
4. Виноградов, В. А. Дейксис / В. А. Виноградов // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Сов. энцикл., 1990. – С. 128.
5. Виноградов, В. В. Русский язык: грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов ; под ред. Г. А. Золотовой. – М. : Рус. яз., 2001. – 720 с.
6. Володин, А. П. Лицо / А. П. Володин // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд., доп. – М. : Большая рос. энцикл., 2002. – С. 271–272.
7. Кравченко, А. В. Вопросы теории указательности: Эгоцентричность. Дейкитичность. Индексальность / А. В. Кравченко. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1992. – 210 с.,
8. Пирс, Ч. С. Логические основания теории знаков / Ч. С. Пирс. – СПб. : Алетейя, 2000. – 672 с.
9. Плуноян, В. А. Общая морфология. Введение в проблематику / В. А. Плуноян. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 384 с.,
10. Селивёрстова, О. Н. Местоимения в языке и речи / О. Н. Селивёрстова. – М. : Наука, 1988. – 151 с.
11. Химик, В. В. Категория субъективности и ее выражение в русском языке / В. В. Химик. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. – 184 с.
12. Якобсон, Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол / Р. О. Якобсон // Принципы типологического анализа языков различного строя. – М., 1972. – С. 95–113.
13. Brugman, K. Die Demonstrativ pronomina der indogermanischen Verben / K. Brugman. – Leipzig : Gruyter, 1904. – 144 p.
14. Cheung, C. Politeness Strategies of Chinese and American speakers / C. Cheung // LCOM Papers. – 2009. – № 1. – P. 1–8.
15. Collinson, W. E. Indication. A Study of Demonstratives, Articles, and Other «Indicators» / W. E. Collinson // Linguistic Society of America. – 1937. – № 17. – 128 p.

16. *Gu, Y.* Politeness Principle in Human Communication / Y. Gu // *Studies in Sociology of Science*. – 2013. – № 4(3). – P. 54–57.
17. *Hu, H.* The Chinese concepts of face / H. Hu // *American Anthropologist*. – 1944. – № 46 (1). – P. 45–64.
18. *Ran, Y.* The Pragmatic Stance of Person Deixis, its Empathic and De-empathic Functions in Interpersonal [Electronic resource] / Y. Ran. – Mode of access : <http://www.fltr.ac.cn/EN/abstract/abstract8562.shtml>. – Date of access : 13.04.2020.
19. *Ziran, He.* Pragmatic Empathy in Verbal Communication. *Foreign Language Teaching and Research*. – 1991. – № 4. – P. 1–15.

The article presents common and different semantic and pragmatic characteristics of personal deixis and the forms of manifestation of its national specificity in the Chinese and Russian languages.